

Ранним утром Хан Цзянсюэ отправился на кухню варить снадобье.

А-Да и А-Эр, пара пухлых хомяков, уплетали овощи и фрукты, полученные от марионетки с духовным сосудом. Их мелкие, похожие на рисовые зёрна зубки с громким хрустом впивались в кукурузный початок.

Поедая угощение, они не спускали глаз с Хан Цзянсюэ, который неподалёку усердно упражнялся с маленьким деревянным мечом.

За свиток с приемами он взялся только вчера, но сегодня его движения уже выглядели весьма складно — благо сами фигуры были простыми.

Стоило ему завершить комбинацию, как хомяки, проявляя отменное воспитание, задорно захлопали лапками.

Хан Цзянсюэ хихикнул и, подражая великим бессмертным мечникам, скрестил лапки перед мечом. Противника рядом не водилось, но он всё равно важно пробормотал:

— Преклоняюсь перед вашим мастерством!

Услышав за спиной бульканье закипающего отвара, Хан Цзянсюэ тут же обернулся и снял котелок с огня.

Стоило ему приподнять крышку, как отрезвляющий запах заставил кролика вздрогнуть.

Отвар в котелке ещё кипел, но исходивший от него аромат казался холоднее лютый стужи.

Хан Цзянсюэ не понимал, зачем Янь Фэйду день за днём пил эту ледяную горечь. Неужели от неё внутри всё не замерзает? Или же в его жилах бушует пламя, которое без такого снадобья просто не унять?

Помотав головой, кролик перелил целебную жидкость в пиалу, поставил всё на поднос и, по привычке водрузив его себе на голову, семенящими шажками поспешил наверх.

Обычно к его приходу Янь Фэйду уже бодрствовал.

Однако сегодня, когда Хан Цзянсюэ постучал и вошел, в комнате царил полумрак.

Окна оставались закрытыми, а парчовый полог над нефритом ложа никто не отдернул. Неужели бессмертный ещё спит?

«...Или испустил дух?!»

В голове кролика промелькнули самые жуткие картины того, как бессмертные скоропостижно угасают ночной порой. Сбросив поднос, Хан Цзянсюэ мигом заскочил на кровать и с размаху влетел прямо в белоснежную, крепкую грудь.

Впрочем, никто и не требовал от спящего бессмертного безупречно застёгнутых одежд и чинного положения рук на животе, точно у покойника в гробу.

Кролик опешил. Пушистая щека сама собой потёрлась о гладкую кожу.

А ведь бессмертный... невероятно гладкий.

Янь Фэйду лежал на боку, прислонившись к нефритовой подушке. Широкий ворот его белого исподнего распахнулся, обнажая изящную линию шеи, глубокую ложбинку ключиц, в которой, казалось, могла уместиться целая чаша вина, и подтянутую грудь.

Хан Цзянсюэ невольно вспомнил давние разговоры старших братьев и сестёр.

«Некоторые, знаете ли, с виду чисты и невинны как снег, а под одеждой — сплошное искушение!»

Впрочем, среди демонов подобное звучало без всякого заднего умысла: назвать кого-то «соблазнительным» было всё равно что похвалить яркое оперение пролетающего феникса.

Иссиня-чёрные, точно эбеновое дерево, пряди шелковистых волос соскальзывали с широкого плеча Янь Фэйду. В одежде бессмертный казался кролику прямым и стройным, словно редкий нефритовый бамбук, но стоило ткани распахнуться, как открывалось...

И что же открывалось? Хан Цзянсюэ заворожённо уставился на тёмный локон, упавший на грудь бессмертного, разглядывая его с той же серьёзностью, с какой изучал фехтовальный свиток.

«М-да, истинно говорят: в его груди скрыты великие глубины...»

Кажется, у людей это выражение звучит именно так?

Кролик почесал лапкой ухо. Ухо почему-то заалело и стало горячим.

Спящий бессмертный совсем не походил на себя бодрствующего. Стоило ему смежить веки, как давящая, холодная отстранённость, мешавшая подойти ближе, полностью исчезла.

Подушечки лапок Хан Цзянсюэ зачесались. Ему до безумия захотелось потрогать очертания губ Янь Фэйду, его высокую переносицу и изящные брови.

В родном доме все кошки страдали гиперактивностью: их любимой забавой с самого детства было карабкаться по всем зверям, что превосходили их размерами.

И неважно, кто перед ними — тигриный демон или львиный, лютый он или кроткий... Сперва надо забраться и потискать, а там видно будет!

Сжав и разжав лапки, кролик понял, что сдерживаться больше нет сил.

Бессмертный спит. Если тихонько прикоснуться, ничего же не случится?

На самом деле Янь Фэйду узнал о приближении Хан Цзянсюэ ещё тогда, когда тот ступил на лестницу.

Будь на месте кролика человек, Янь Фэйду почувствовал бы его, едва тот ступил на гору. Хан Цзянсюэ же был всего лишь маленьким зайцем... К тому же — нанятым и связанным узами духовного договора котом-Синту. Оттого Янь Фэйду не видел нужды чинно подниматься навстречу.

Вот только этот кролик, заметив, что хозяин спит, и не думал уходить. Вместо этого он забрался прямо на него.

«И впрямь настоящий кот...»

Янь Фэйду медленно разомкнул веки и увидел зверька, который, цепляясь за пояс его ночной рубашки, упорно карабкался вверх.

Будучи застигнутым на месте преступления, Хан Цзянсюэ сперва оцепенел от испуга, а затем расплылся в глуповатой, безумно милой мордашке.

— Бессмертный, пора вставать и пить отвар! Мы ведь сегодня собирались на рынок!

Увидев с утра пораньше экое чудо, даже сдержанный Янь Фэйду не удержался и протянул руку, погладив пушистую головку.

Какой кот откажется от ласки?

Хан Цзянсюэ впервые ощутил прикосновение Янь Фэйду. Вся тушка кролика на мгновение одеревенела, но тут же, вставая на цыпочки, он сам уткнулся тёплым лобиком в широкую

ладонь бессмертного.

Котам нужно многое. Помимо вкусной еды и забавных игрушек, им жизненно необходима ласка.

А маленькому кролику требовалось и того больше: и еда, и забавы, и поглаживания, и много-много любви!

Янь Фэйду неропливо поднялся, и Хан Цзянсюэ тут же подал пиалу.

Бессмертный осушил посуду, даже не поморщившись, чем вызвал искренний восторг зверька.

— Бессмертный, отвар же ледяной! Вам разве не холодно?

Отставив пустую пиалу, Янь Фэйду слегка откашлялся:

— Холодно. Но если сегодня удастся добыть нужную вещь, пить эту горечь больше не придётся.

— А что за вещь? — с любопытством спросил Хан Цзянсюэ, возвращая пиалу на поднос.

— Крылатая рыба. Она из одного рода с гигантской рыбой Кунь. И хотя не вырастает в длину на тысячи ли и не умеет летать, в её чреве скрыто особое пространство, способное поглотить что угодно.

Янь Фэйду поднялся, намереваясь сменить наряд, но заметил, что кролик остаётся на месте, задрал мордочку и явно ожидая продолжения истории.

Мгновение спустя зверька за шкурку выставили за дверь, и из-за створки донёсся шорох переодевания.

Хан Цзянсюэ наклонил голову и хлопнул лапкой по бедру.

«Эх! К чему бессмертному такая скромность? Я ведь ни капли не смущаюсь!»

Когда Янь Фэйду вышел, сменив платье, Хан Цзянсюэ так и не понял, чем его новый облик отличается от прежнего.

Разве что на голове теперь красовалась бамбуковая шляпа-вэймао с полупрозрачной вуалью.

Будь Янь Фэйду здоров, он отправился бы на рынок без лишних ухищрений. Но сейчас, с его

ранами, лишнее внимание могло навлечь беду.

— Прежде я ходил туда один. Однако сейчас я не могу воспользоваться духовной силой, так что открыть врата на Рынок демонов и призраков мы сможем лишь с помощью твоей демонической цзи.

Янь Фэйду пояснил, почему ему потребовалось сопровождение.

Хан Цзянсюэ задумался: раз так, не проще ли ему сходить самому?

— Я сам всё вам куплю! — кролик гордо ударил себя лапкой в грудь.

И пусть в мире вряд ли найдётся кот, способный самостоятельно сходить за рыбой, Хан Цзянсюэ был уверен в своих силах!

— Мысль хорошая, — Янь Фэйду подхватил кролика и усадил себе на плечо. — Вот только правила на том рынке суровые. Если покупатель не явится лично, нужную вещь ему просто не продадут.

Рынок демонов и призраков звучал как обычное место из баек заклинателей — торговая площадка, где торгуют нечисть и духи.

Но лишь бывавшие там знали: купить там можно всё что угодно, были бы деньги.

Продавцами выступали старые демоны и призраки, чьи века подходили к концу. Вещи, выставленные на продажу, столетиями пылились в их логовах, и никто точно не знал, когда и откуда они взялись.

Каждый предмет имел историю, каждая вещь являлась сокровищем.

Однако, несмотря на древность и ценность, рынок не пользовался широкой славой, и Хан Цзянсюэ о нём никогда не слышал.

— А где он обычно открывается? — с любопытством спросил кролик, когда они вышли за ворота усадьбы.

— Он не стоит на месте. В прошлый раз врата открылись за десять тысяч ли отсюда, среди жёлтых песков Западного Края. Чтобы купить там что-то, нужно либо обладать невероятной удачей и заблудиться в правильном месте, либо заранее отправить туда слугу, дабы тот известил хозяина, когда рынок вновь явится в мир.

Янь Фэйду неторопливо спускался с горы. Текущих сил не хватало на долгие прогулки.

К счастью, вход на рынок находился совсем рядом.

Миновав персиковую рощу, Янь Фэйду остановился перед огромным валуном.

Камень выглядел вполне обыкновенно, но стоило бессмертному слегка постучать по нему, как глыба зашевелилась.

Подобно тому как осыпается старая известь со стен, от валуна с шорохом отвалилась тонкая каменная корка, обнажая исполинское каменное лицо.

Исполин заторможенно распахнул пасть, за которой открылся непроглядный, жуткий проход.

Хан Цзянсюэ обомлел, всматриваясь в тьму, не пропускавшую ни единого луча света, и ощутил повеявший оттуда сырой, зловонный ветер.

— Теперь всё зависит от тебя, — произнёс Янь Фэйду. — Сконцентрируй демоническую силу и представь, что держишь в ладонях фонарь. А затем мы пойдём вперёд.

...

В темном тоннеле вспыхнул крошечный огонек.

И хотя в проходе бушевал ледяной ветер, слабый свет упорно и надёжно разогнал мрак.

Сидя на плече Янь Фэйду, Хан Цзянсюэ сжимал обеими лапками фонарик с кроличьими ушками, тщательно следя, чтобы крошечное пламя случайно не погасло.

Янь Фэйду хранил молчание, лишь изредка слегка поглаживая кролика по спинке, словно успокаивая.

Но разве мог Хан Цзянсюэ не нервничать?!

Очутившись внутри, он наконец понял, почему рынок называют странствующим.

Они шли прямо по чреву исполинского змея!

По одному лишь запаху угадывалось: тварь эта невероятно древняя. Приложи она чуть больше усилий, с такими-то годами давно бы вознеслась драконом на небеса!

Хан Цзянсюэ что-то тихо пробормотал, и Янь Фэйду, услышав его, слегка коснулся пальцем головки зверька, указывая вперёд.

— Не все змеи желают становиться драконами. Некоторые предпочитают оставаться в истинном облике, проживая века и тысячелетия.

В какой-то момент чрево змея приспособили под приют для Рынка демонов и призраков. Впрочем, сам змей не возражал: забава казалась ему любопытной, и он не прогонял гостей.

Он просто скользил сквозь мир — от бескрайних жёлтых песков до речных чащ Цзяннаня. Смертные не замечали его: древний змей двигался под водой, в толще гор, под серыми плитами городских мостовых.

Быть может, однажды он сгинет, но прежде успеет увидеть весь мир.

Поняв, что древняя тварь не таит кровожадных замыслов, Хан Цзянсюэ с облегчением уселся на плечо Янь Фэйду, свесил лапки и затянул незамысловатую песенку, слов которой бессмертный не знал.

Ветер в чреве змея, казалось, изменил направление, тихим гулом вторив мотиву кролика.

Когда впереди замаячили огни, фонарик в лапках Хан Цзянсюэ можно было гасить.

Фонарей вокруг хватало с избытком.

Белые, алые, янтарно-жёлтые — десятки светильников с расписными пейзажами парили в воздухе, заливая пространство светом, ярким как днем.

Где-то играли на флейтах духовные твари, где-то задорно смеялись призраки и демоны. Лавки и развалы всех мастей беспорядочно теснились прямо на земле: одни торговцы сложили очаги из камней, другие не выставили ничего, просто стояли, завернувшись в чёрные плащи.

Здесь, разумеется, никто не зазывал покупателей на человеческий манер, отчего с непривычки трудно было понять, куда податься за нужным товаром.

Зато Хан Цзянсюэ чувствовал себя как рыба в воде. На горе Туло хватало мелкой и крупной нечисти, он с детства привык к общению с такими созданиями, как Сянская Дева Зеленых Вод. И если с призраками он ещё путался, то здешние демоны... были для него обычными стариками.

Кролик вежливо приподнимал лапку, приветствуя всех, кто бросал на них взгляд. Не успел Янь Фэйду сделать и сотни шагов, как по рынку уже пополз слух: сегодня к ним пожаловал

настоящий милашка.

— А как здесь покупать вещи? — Хан Цзянсюэ повернул головку к спутнику.

— Сперва спросить дорогу, найти место и договориться. Если не выйдет — останется только драка.

Описанный порядок действий оказался кролику хорошо знаком.

На горе Туло, если тебе что-то нужно, первым делом стоит расцарапать морду сопернику!

Янь Фэйду остановился перед курильницей, стоящей прямо посреди дороги. Подняв бамбуковую дощечку, висевшую рядом, он поднёс её к губам, тихо прошептал своё желание и бросил в чашу.

Из курильницы тут же поднялся струящийся ароматный дым. Белесые клубы поплыли вглубь, указывая путь.

Хан Цзянсюэ затаил дыхание, боясь случайным выдохом развеять указатель.

Дым внезапно растаял возле места, которое искал Янь Фэйду.

Прямо в чреве змея обнаружился глубокий затон. На берегу сидел демон в бамбуковой шляпе-доули. Лица его разглядеть не удавалось, а в руках он держал удочку, словно и впрямь удил рыбу.

Стройный бессмертный окинул пруд взглядом и слегка поклонился торговцу:

— Мне нужна Крылатая рыба.

Демон в шляпе медленно поднял голову, обнажая истинный облик — Ворона Ночного Оперения, так и не принявшего человеческий лик.

Его движения отдавали неторопливостью. Лишь спустя мгновение он поднял удочку и указал ею на Янь Фэйду.

Жест означал простые слова: «Хочешь — уди сам».

Янь Фэйду нагнулся, снял Хан Цзянсюэ с плеча и усадил на плоский камень неподалёку, а сам шагнул к воде.

Ворон уступил место и протянул когтистую лапу.

Плата.

Демон не назвал цену, оставляя покупателя перед сложной задачей: сколько и чем платить?

Янь Фэйду, не колеблясь ни мгновения, вложил в его лапу Сумку ста сокровищ.

— Можешь забрать всё, что внутри. Но сколько бы я здесь ни пробыл и что бы ни выудил, прошу не чинить мне препятствий.

Из-за вуали вэймао Ворон не мог разглядеть лица Янь Фэйду, что его уже раздражало, а уж услышанное и вовсе вызвало досаду.

Однако стоило ему приоткрыть сумку, как сияние драгоценностей озарило его пернатую морду. Гнев мигом улетучился, и демон, поджав хвост, юркнул в тень — пересчитывать сокровища.

Хан Цзянсюэ ротозейничал, глядя на ворона. Ну конечно! Вороны без ума от всего блестящего, пусть даже они трижды демоны!

Кто бы мог подумать, что у бессмертного найдутся именно те вещи, что милы вороньему сердцу!

— Чему ты удивляешься? Даже будь перед ним не ворон, этот человек всё равно нашёл бы, чем подкупить местного торговца. Сразу видно: хитрый проныра!

Возле самого уха Хан Цзянсюэ раздался холодный смешок. Когда только успел подлететь этот призрак?

С виду — обычный мальчуган, да только Хан Цзянсюэ знал: на этом рынке младенцев нет, каждому полным-полно лет.

Призрак-мальчик смерил кролика взглядом с ног до головы и вдруг протянул ему корзинку:

— Продаю сахарные коврижки. Купишь?

Хан Цзянсюэ качнул головой.

Мальчишка досадно цыкнул:

— Чего морщишься? Думаешь, вместо коврижки ритуальную бумагу жуёшь? На этом рынке призраки до такой низости не опускаются!

Кролик лишь невиновно похлопал лапками по животу и развёл ими в стороны:

— У меня нет денег.

Он пришел лишь составить компанию бессмертному, откуда у него деньги?

Призрак досадно закатил глаза... хотя глаз у него не водилось, потому он просто сердито брякнул корзинку на землю.

— Говорит, денег нет! Проклятье, ты, милашка, с виду глуповат, а ведь раскусил мои сахарные коврижки из ритуальной бумаги!

А ведь только что божился, что призраки до такого не опускаются! Навык-то явно отработан!

Хан Цзянсюэ отодвинул пушистый задок подальше от обманщика, но тот снова подлетел ближе.

Видно, от скуки ему невтерпёж было с кем-то посудачить.

— Ты ведь из Обители Опавших Персиков, верно?

Кролик наострил ушки. Неужто в нём уже проглядывает статность ученика легендарной обители?

— Только в Обители Опавших Персиков разводят таких бестолковых демонов!

Хан Цзянсюэ надулся:

— Не смей наговаривать на Обитель Опавших Персиков!

Призрак-мальчик хлопнул себя по лбу, и из пустых глазниц потекли кровавые слёзы — явная попытка напугать глупого зверька.

— Подумаешь, пару слов сказать нельзя! В самой Обители Опавших Персиков никому и дела нет! Там народ великодушный, на любую беду реагируют добродушным хохотом...

Затем призрак внезапно ткнул пальцем вверх, точно о чём-то вспомнил:

— Ах, нет, соврал! Есть там один человек, о котором вслух говорить не смеют. Он тоже принадлежал к Обители Опавших Персиков, да только порвал с ними все узы и основал собственный клан. Его обитель вроде аккурат по соседству расположена... Наверное, характером с прочими не сошёлся.

Увидев, как Хан Цзянсюэ уставился на него сияющими глазами, сложа лапки на животике и буквально сгорая от любопытства, призрак хмыкнул и снова поднял корзинку:

— Так и быть. Купи сахарную коврижку — и я расскажу тебе всю историю!

Кролик недоуменно хлопал глазами: «Я же сказал, что у меня нет денег?!»

<http://bllate.org/book/20471/2118806>